

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЕЛИКОЙ РОССИИ, ИЛИ МОСКОВИИ

Иржи Давид

О положении иностранцев и их религиях

Иностранцы, которые постоянно проживают в Москве,— это лютеране и кальвинисты, притом последних меньше, чем первых. Но кальвинисты превосходят лютеран богатством, ибо среди них большинство — купцы. Лютеране отчасти купцы, отчасти чиновники и мастера. Среди мастеров большинство ювелиры, они превосходно приспособились и постоянно заняты работой. Кальвинисты, которых здесь называют реформаторами,— это голландцы, они состоят под покровительством голландской республики и имеют своего резидента. Лютеране, которые предпочитают, чтобы их называли евангелистами, принадлежат разным странам: Швеции, Дании, Ливонии, Гамбургу и т. д. В первое время по прибытии они жили в пределах города, где и теперь есть улица, на которой обитают старожилы. Их считали язычниками, отсюда москвитяне и сегодня называют их улицу «Поганый пруд», или улицей язычников. Там у них был и собор, но однажды царь проходил мимо и услышал в соборе драку (это женщины спорили из-за первых мест). Он не пожелал дальше позволять им совершать свои богослужения в городе, а отвел им место за городом, на Слободе. Расселяясь дальше и постоянно расширяясь за счет новых переселенцев, они заняли лучшую часть Слободы. Лютеране имеют два собора: один каменный, очень большой, расположенный среди обширного кладбища, где хоронят всех иностранцев, другой деревянный. Богослужение у них совершают три священника — они называют их пасторами,— два в каменном соборе и один в деревянном. Содержат этих священников на средства общины. Все эти соборы без колоколов. Они имеют также две начальные школы, в которых преподают два учителя. Обучают также по-латыни, но ученики постигают только чтение и не получают других знаний. Учителя живут частично за счет общины, частично на частные средства, собранные от учеников. Кальвинисты тоже имеют одну каменную церковь, скорее похожую на школу, чем на храм, и одного священника, которого содержат на свои средства, и еще учителя, который обучает их юношество голландской грамоте. Кроме того, есть еще много наставников, которые частным образом на дому обучают купеческих сыновей латыни. Религиозное общественное воспитание, как в самые соборы, как и в других городах, возглавляются старейшинами. Дома у большинства деревянные, красивые, а у многих каменные, похожие на дворцы, сады прекрасно ухоженные, и многие кормятся садами. Одеваются великолепно, особенно женщины, и трапезы устраивают роскошные, в зимнее время дома, а летом в соседних рощах, которых здесь множество и куда они обычно выезжают отдыхать. Разъезжают на конях и в каретах даже простые ремесленники. Войсковые офицеры живут весьма празднo, ибо, если они не в походе, у них нет никаких дел, кроме лишь того, что они по утрам должны приветствовать князя, стоящего во главе посольского приказа, да и то не всегда. В остальное время они ходят друг к другу в гости и проводят целые дни в курении табака и попойках. Они снискали уже у москвитян такое преимущество, что хотя те и презируют их религию, однако предпочитают их католикам, так как их пасторов и их религии они не боятся да еще потому, что получают от них большие прибыли и много подарков. Если кто берет в жены католичку, лютеранку или реформатку, то между супругами заключается соглашение, что, если один из них пожелает принять религию другого, их дети мужского пола унаследуют религию отца, а женского — религию матери, и это так укрепились, что не может быть нарушено.

Прибывают сюда, кроме того, нерадивые хозяева, мужья, покинувшие жен, дуэлянты, бродяги и люди, которые из-за разных проступков не решаются появляться у себя на родине. Они сами сочиняют себе свидетельства, приложив поддельные печати, будто служили офицерами в войске того или другого государя, и таким обманом присваивают себе здесь военные должности. Это случается часто, и я сам наблюдал несколько примеров. Уж если москвитяне принимают охотно иностранных вояк-бахвалов, то как приняли бы настоящих знатоков?

*Первый и второй походы против татар. Начало возмущений после второго похода.
Ссылка Голицына*

После торжественного посольства, которое светлейший король Польши направил к царям в 1686 г., москвитяне объединились с августейшим и светлейшим королем Польши против общего врага христианства¹. Вскоре, в начале следующего года, в феврале, они снарядили против татар большое войско, чтобы сдержать их набеги то на царские, то на польские земли. Говорили, что это войско, составленное из москвитян и казаков, содержало двести тысяч человек, командовал им царскою волей князь Голицын², и он дошел с этим войском до самой Самары³. Самара — это новый небольшой укрепленный пункт на границе москвитян и крымских татар, недавно построенный и укрепленный против татарских набегов⁴. Они хотели продвинуться

дальше, но им мешали огромные степи, которые нужно было преодолеть, простирающиеся почти на сорок миль ширирь. Но главная трудность заключалась в том, что враг при подходе войска москвитян, там, где оно должно было пройти, сжег всю траву и зелень и сделал дорогу невозможной для лошадей, а тем более для людей. Вдобавок к этому непредвиденному опустошению еще прошла молва, что казачий гетман Самойлович и его сын вступили в тайный сговор с татарами. Карая за это преступление, Голицын, чтобы поднять свой авторитет и внушить войску страх, сместил гетмана с его должности и отправил в ссылку, а сына его велел казнить перед всем войском, и действия эти одобрила вся Москва (кроме двора Петра). Затем, так и не встретившись с врагом, он бесславно возвратился домой. Говорили, что в этом походе погибло около тридцати тысяч людей от всяких болезней; которых они набрались от заразной воды. Возвратившееся командование упрекали еще и в том, что, покинув те опустошенные степи, они не повернули вправо к Днепру для устрашения очаковских и белгородских татар, более всего доставляющих беспокойство Венгрии, Украине и Польше. Вернувшегося Голицына царь Петр лишь после многих просьб со стороны вельмож допустил к аудиенции. Он его всегда ненавидел, то ли из-за сестры Софьи, именем которой тот правил, то ли из-за пишности, которую тот соблюдал, или из-за зависти его врагов, которые накаляли Петра.

Один год войско отдыхало, затем, снова набравшись сил, в 1689 г. опять двинулось в поход против того же врага, столь же храброе, как и раньше. Командующим опять, как и прежде, был назначен князь Голицын, и это было бы к счастью, если бы он развил дальше одержанную вначале победу. В этом походе он пошел до Перекопа, до самого перешейка Херсонеса Таврического, но ничего не сделал, а только показался в тех местах. Между тем распространились удивительные слухи, будто под великим ханом Татарию убили коня, будто погиб его сын, четырнадцать мурз пали в бою и большой разгром учинен в татарском войске, многие взяты в плен. Но все это потом так и осталось легендой, так как в триумфальном шествии не видели ни одного пленного. К тому же писали, что в тот день, когда войско отошло к Перекопу, хан прислал к Голицыну одного из мурз для переговоров о мире, которому, как сообщали, князь предложил следующие условия. Во-первых, чтобы татары обязались, что не посмеют больше нападать ни на империю москвитян, ни на Польшу. Во-вторых, что не будут оказывать никакой помощи туркам против христиан. В-третьих, что впредь никогда не будут больше требовать от Московии ежегодной дани в сорок тысяч рублей. В-четвертых, что они отдадут всех христиан, которых до тех пор забрали в плен. Упомянутый мурза, появившись три или четыре раза на аудиенции у князя, возвратился к своим без всякого решения. Другие рассказывали, что в войске, которым командовал князь, было запрещено кому-либо пускаться в ход оружие против врага, что никто не вступал в столкновение с неприятелем, кроме казаков и одного-двух московских командиров, что на поле боя не появлялось врагов более тридцати тысяч и убито с обеих сторон очень немного. Трудно установить истину, когда неизвестно, что достигается доблестью, а что хитростью. Сам князь в своем имени Троице при мне (я приезжал туда его приветствовать в свите господина резидента Польши) в присутствии многих бояр и польского резидента похвалялся, что никогда еще москвитяне не добивались большего, чем в этом походе, и еще не слышано, чтобы такое огромное войско москвитян так быстро дошло до самого перешейка Татарины⁵. Но при дворе Петра обо всем этом думали совсем иначе. Тем не менее царица Софья, желая возвеличить триумф князя, по возвращении почтила его большими дарами и, когда он приближался, сама вышла ему навстречу. Такая честь, необычная для москвитян, сильно задела Петра и усугубила давно возникшие у москвитян подозрения. Итак, Петр его не допустил к себе, но позвал государственного казначея и допрашивал его о расходах царицы. При этом допросе Петр схватил казначея за бороду, швырнул его на землю и топтал ногами. Когда слух об этом позоре дошел до царицы, пламя ее гнева вырвалось наружу. В город стало приходить множество пеших воинов, и никто не знал, для какой цели. Потом распространился слух, что они должны были окружить Ображенское⁶, схватить или убить Петра (ибо царь Петр находился тогда в своем загородном доме в Ображенском). Достоверно, что ночью стало известно о кознях против Петра. Вырвавшись оттуда и поспешно собрав свои вещи, он отправился в Троицу (это место, в 60 верстах, или 12 левках, от Москвы, известно знаменитым монастырем на двести монахов) и там начал со всей суровостью вести свои дела. Сначала допросили капитанов стрельцов, затем других сообщников. В чем они признались, нам неизвестно. Но нужно заметить, что за Петром в его убежище последовали многие бояре и стрельцы. А те, которые колебались, были призваны. Призваны были в Троицу и немецкие офицеры, которые не желали задеть и другую сторону, ожидая, что решат князь, еще бывший в силе, и царица. Но с этой стороны им была предоставлена свобода остаться на месте или следовать приказу. Далее, для умиротворения Петра выступили разные бояре и сам патриарх, но, на беду для Софьи, все они примкнули к Петру, особенно патриарх, который со свержением Голицына рассчитывал получить простор для владения и действительно его получил. Вскоре Петр затребовал к себе князя Голицына и начальника стрельцов, молодого боярина, очень знатного, почтаемого и очень любимого Софьей⁷, а также казначея и других лиц из двора Софьи. Голицын и начальник стрельцов не были выданы. Когда же царь более настойчиво заявил свое

требование, применив угрозы и силу, к Петру отправилась вместе с Голицыным сама царица, но не была допущена. Итак, она вместе с ним возвратилась. Говорят, Петр после этого сказал, что, если ему не выдадут этих бояр, он осадит Москву и всю ее обратит в прах. Наконец их выдали. Голицын явился сам с обычной свитой, другого бесславно привели. Пред очей Петра Голицын не предстал, а был вызван и на ступени дворцового крыльца выслушал обвинение, что он командовал по своему произволу, предпринимал походы без ведома царей, злоупотреблял печатью, уже дважды вел против татар огромное войско с громадными затратами и без всякого успеха. За это он лишается боярства и отправляется в ссылку. Приказано, чтобы он ехал в своей обычной карете, с несколькими слугами, а за ним может следовать супруга, два сына и остальная семья. Сначала местом ссылки был назначен Каргополь, в пустынной области близ Архангельска, а позднее Пустозерск, далекий край на границе Обдории и Сибири. Но так как еще много появилось против него обвинений, уже в пути его лишили всей почетной свиты, бросили на подводу, заковали в цепи и кандалы, и в таком виде он продолжал свой горестный путь. Прошел слух даже, что Голицына должны были возвратить с дороги и публично в городе казнить, но за него вступился царь Иван. А тот начальник стрельцов, по имени Шаколовый, поскольку он ни в чем не хотел признаваться, был бит кнутами (это особый род грубой плети). Потом он обещал, что перед смертью письмом сообщит светлейшему Петру весь ход заговора против него. Говорили, что он так и сделал. Петр, смягчившись этим признанием, даровал ему жизнь, но по настоянию бояр и особенно по требованию патриарха вынужден был согласиться на его казнь. Обезглавленного он велел похоронить в упомянутом монастыре (ибо все это там происходило) и через шесть недель приказал совершить по нем службу. После всего этого царица Софья была отстранена от власти, лишена царских почестей, и было обнародовано, чтобы отныне в прошениях не упоминалось ее имя. Ей было предписано как можно скорее оставить дворец и удалиться в монастырь, что и было сделано на следующий день после нашего отъезда. О Голицыне и о царице Софье потом распространялись удивительные слухи, как это обычно бывает в несведущем простонародье, исполненном разных страстей и вдруг получившем возможность извергать. Но мы не имеем доверия к этим слухам. Со свержением этих правителей вся верховная власть перешла к Петру, который, как гласила молва, всегда был протестантом и ни в чем не желал подчиняться авторитету старшего брата Ивана, но, равный ему по духу, воле, доблести и физической силе⁸, укреплял военную власть, что было необходимо из-за стрельцов, волею которых Иван должен был взойти на престол.

Наше изгнание

Пока дела шли таким образом, бежал из Москвы некий старец — так называются пожилые монахи, — строитель какого-то монастыря. Но в пути он был пойман и подвергнут допросу вместе со многими сообщниками. Его давно уже патриарх держал под арестом за какие-то католические, противоречащие греческим суждения, которых он придерживался и которые распространял. Говорят, Голицын хотел использовать его как средство для сiania в народе унии и католической религии. Иные говорят, что другой партией он предназначался на патриаршество. Как бы то ни было, мы передаем то, что слышали. Итак, он на допросе сказал, что знал о некоторых действиях и отговаривал от поступков, направленных во вред Петру, тем не менее просил слух, что он не дал нужных показаний и что ему отрубили ноги, руки и голову. Но теперь мы слышали, что он брошен в карцер, где его и держат. Говорят также, что его спрашивали, были ли иезуиты сколько-нибудь осведомлены об этих действиях и не получал ли он от них советов или наставлений, касающихся веры. Он сказал, как и должно было, что они ни о чем не знали, да и в самом деле мы этого человека не видели и не знали и не имели с ним никакой связи. Тем не менее из-за него о нас пошла молва и разговоры среди еретиков и схизматиков, особенно среди духовенства и у патриарха, который воспользовался случаем начать действия против нас, и никто ему не противился. Ведь Голицын был в ссылке. При нем он не решался что-либо предпринять, хотя пускал в ход все уловки, чтобы добиться указа против нас. Уже тогда еретики судачили между собой, что у нас с ним какие-то общие интересы. Другие отрицали это, говоря, что если бы были какие-то интересы, то нам уже не уехать и не снести головы. А другие говорили, что, как бы то ни было, виновны мы или не виновны, мы будем изгнаны. Поэтому 2 октября старого стиля, то есть 12 нового стиля, в среду, когда мы закончили наше богослужение и ничего подобного не ожидали, появился какой-то писарь и позвал нас в посольский приказ, где нас ждал подьячий этого приказа. Когда мы явились, он велел расступиться стоявшим вокруг советникам и помощникам и обратился к нам с такой тирадой: «Великие государи царь Иван Алексеевич и царь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белья Руси самодержцы, повелели Вас уведомить, что они приняли Вас по рекомендации августейшего римского императора в знак дружбы и братства, в каких-то они с ним состоят. Но приняли вас на время, на время, на время! Теперь же их царскому величеству угодно снова вас отослать к вашему августейшему цесарю. Но не думайте, что вы дали повод к этому изгнанию. Нет. Мы знаем вашу честную и добросовестную жизнь — и ваше поведение. Единственная причина — наш благоче-

стивый патриарх⁹, который вместе со всем своим духовенством настойчиво просил их царское величество, и они постановили на своем церковном соборе, что вас нельзя здесь терпеть, так как ваша вера нашей православной церкви не подходит и даже противна и враждебна. В этом главная причина. Итак, через два дня, которые даны вам на сборы, вы должны уехать. Вы уедете без всякого насилия, почетно. Вам будут даны царские подводы, провожатый и из царской казны кое-что на дорогу».

Мы ответили ему так. Что их царское величество царь Иван Алексеевич, царь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белаая Руси самодержцы, нас по рекомендации августейшего римского императора приняли и до сих пор держали, за это приносим нижайшую благодарность. Но что так внезапно нам при таких обстоятельствах приказывают удалиться без всякой нашей вины, этому будет дивиться августейший император, и мы дивимся. Поэтому мы просим, чтобы нам дозволено было здесь оставаться, пока мы известим об этом деле августейшего императора и получим от него ответ. Все стали качать головами, улыбаясь, и дьяк ответил: ни в коем случае вам не следует писать, более того, цесарь не должен знать об этом деле до тех пор, пока вы не будете за пределами Московии. Тогда мы снова заговорили. Каким образом благочестивейший патриарх со своим духовенством мог так нас возненавидеть, если мы, живя здесь четвертый год, никогда перед ним не появлялись и ни с кем из духовенства не разговаривали? Об обычаях русских мы всегда говорили с уважением, что могут засвидетельствовать стоящие здесь переводчики. На это он лишь пожал плечами. Тогда мы снова заговорили. Поскольку мы оба, каждый за себя, представили рекомендательные письма от его королевского величества, мы просим, чтобы при нашем отъезде нам также было дано письмо к королю, в котором была бы засвидетельствована наша невиновность и указана причина нашего изгнания. Он ответил, что в скором времени будет надобность писать его королевскому величеству и по этому случаю также будет сообщено о нашей отсылке. А вообще давать кому-либо рекомендательные письма здесь не принято. Тогда мы снова попросили, чтобы нам дали хотя бы восемь дней на сборы к отъезду. Он отказал и настаивал, что ему было строго указано, чтобы мы в два дня удалились. Итак, мы ушли из посольского приказа к господину резиденту Польши и с ним говорили, чтобы он хотя бы одного из нас оставил у себя. Появились там два главных переводчика, которые также во всем винили патриарха, человека невежественного, ненавидевшего нас и всякого, кто учен. Он единственная причина нашего отъезда, ибо при отсутствии Голицына никто не решается ему перечить. Тем не менее в тот же день мы отправили двух гонцов в Троицу, одного к господину генералу Гордону¹⁰, чтобы он за нас вступился, другого уже ночью к светлейшему царю с прошением, в котором содержались уже указанные прежде просьбы. На следующий день, в четверг, когда я закончил утреннюю молитву перед нашими, один из нас пошел в город к господину резиденту, чтобы вместе с ним отправиться в посольский приказ. Там господин резидент снова просил оставить хотя бы одного, но и ему было отказано. А когда господин резидент снова спросил о причине нашего изгнания, ему было сказано то же, что и нам. Чтобы заверить это, господин резидент написал нам свидетельство собственной рукой. По этому случаю, когда отец в присутствии подьячего и его помощников продолжал попытаться: «Вы терпите лютеран и кальвинистов, а где кальвинисты или лютеране терпят греков или их религию? Между тем августейший король, сиятельнейший князь Польши в своем сиятельном государстве имеет их множество под своим покровительством и дает им всяческие свободы. Чем же наша религия враждебна вашей?», ему предложили замолчать, чтобы он дальше не расспрашивал. И еще было сказано, чтобы мы не подозревали лютеран или кальвинистов, будто они замешаны в нашем изгнании. Но это извинение было ни к чему. Ведь кто не подумал бы так? Хотя мы не причиняли им никакого вреда, они воспользовались удобным случаем действовать у разъяренного патриарха, у разозленного духовенства, когда никто нас не опекает и не защищает, когда Голицын в изгнании и вынужден молчать, когда отстранена от власти царевна, единственная наша защита. Все затевалось постоянно в Троице, тайно, без ведома даже живущих там нескольких католиков, в том числе и генерала Гордона. Когда же отец снова попросил, чтобы нас при всех этих обстоятельствах оградили от разговоров, ибо уже сейчас в Слободе поговаривают еретики, будто мы замешаны в этих делах, дьяк ответил, что если от кого-нибудь услышат подобные разговоры против нас, то его приведут в приказ и покарают, дабы другим не повадно было. Между тем наступила пятница, и прямо на рассвете явился к нам будущий наш провожатый с указом, чтобы мы в тот же день вечером отправились в путь. Через некоторое время появился другой и снова позвал нас в приказ. Один из нас остался, чтобы совершить богослужение перед собравшимися нашими католиками, другой отправился в приказ и на вопрос, когда мы хотим отбыть, ответил, что мы просим об отсрочке хотя бы до понедельника. Но там дьяк сказал, что это никак нельзя сделать, и наконец с большим трудом позволил отложить отъезд до завтрашнего утра. А на новые настоятельные просьбы, чтобы нам дали письмо, свидетельствующее нашу невиновность в этих делах, он сказал, что нам нечего бояться, что причина отъезда уже сказана и ничего другого нет. Затем он вынес шесть пар собольих шкур, протянул каждому по три пары, сказал, что это дарят нам на дорогу и на память их царское величество. Мы поблагодарили и отказались от всего, и он, по обычаю унося шкуры на руке, удалился.

Итак, в субботу на рассвете собрались многие наши католики, ожидая причастия и благословения. Совершив богослужение, мы объявили о причине нашего изгнания и дали им полезные наставления, как правильно жить при сложившихся обстоятельствах. Около полудня, провожаемые плачущими, мы отбыли, убрав храм наш и часовню в таком виде, как она была, и вручив их ангелу хранителю и достойнейшим старейшинам католической общины, с согласия господина резидента и многих чиновников. Но в этот день мы только выехали за пределы города и остались в одной из слобод. К вечеру мы получили письмо от генерала Гордона, который сообщил, что он хлопотал перед всеми боярами и даже перед его светлостью, чтобы удовлетворили нашу просьбу, но ничего не мог добиться, так как патриарх и духовенство сильно настаивали на своем, и поэтому решили нас отправить, но с почетом, снабдив всем необходимым на дорогу. Он писал также, что получил отсрочку на несколько дней, а именно до прибытия его светлости в Москву. Но мы узнали другое, что подъячий приказа преследует нас и постоянно добивается нашего изгнания. Итак, в воскресенье примерно в миле от города собрались для прощания наши католики, мы совершили богослужение и позавтракали принесенной ими пищей, как Павел у Милета, и затем после долгих прощальных объятий отправились в путь. Но, чтобы сохранилась о нас какая-нибудь память, мы оставили в нашем храме (по просьбе и по настоянию знатнейших лиц из собрания католиков) ученого юношу, которого мы давно приняли в помощники для обучения молодежи, посещающей нашу школу. Он должен будет вместе с началами грамоты продолжать внушать этому нежному возрасту и начала веры, чтобы им не пришлось после нашего отъезда блуждать по школам нашего противника, и еще должен будет по воскресеньям и в праздничные дни в часовне читать и петь что-нибудь духовное, пока его королевское величество примет какое-нибудь новое решение. Не удивительно, что католики отнеслись к нам с такой любовью, ибо ведь мы от них никогда ничего не требовали, ничего не брали ни для наших нужд, ни на часовню, на все тратились сами и даже, когда это было нужно, щедро помогали бедным, довольствуясь тем, что августейший король ассигновал нам от славной финансовой палаты Силезии.

В то же самое время, когда нам приказали уехать, были сожжены заживо и отправлены в иной мир Конрад Нордерман и Квирин Кульман¹¹, лютеране, пророки, реформаторы веры, за распространение каких-то пророческих книг. Конрад был здесь некогда известным купцом, Квирин, родом из Силезии, я думаю, был один из лютеран-предсказателей, изгнанных из Венгрии. Они называли себя иезуелитами. Их книги принесли нам на цензuru царский переводчик, и в последнем приговоре им было прочитано, что книги их осуждены как еретические и лютеранскими пасторами и иезуитами. Итак, в одно и то же время в Московии было вычеркнуто имя иезуелитов и иезуитов, но орден пророков опередил орден апостолов. Чтобы кратко закончить, скажу, что причиной нашего изгнания были опала прежнего фаворита Голицына, устранение от власти царевны Софьи, которая, говорят, услышав об этом, застонала, зная ненависть со стороны патриарха и духовенства, с которым мы не имели никаких дел, раздражение со стороны еретиков, которым мы ничего дурного не сделали. Мы же удалились, радуясь, что были удостоены чести потерпеть обиду во имя Христа.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ МОСКВИТЯН

О звании «царь» и его значении

Первым это звание себе присвоил Иван Васильевич, великий и православный московский князь, когда он силой оружия подчинил своей власти великие татарские царства Астрахань и Казань. До этого он, как и его предшественники, довольствовался званием великого князя. Новое же звание, как об этом пишут историки, он принял потому, что им пользовались князья названных царств. Впрочем, литовцы и поляки долго отказывались называть его этим именем, как сообщает Палеброк в предисловии к «Греко-московскому календарю», том I, май.

Об исконном значении этого названия и его этимологии среди ученых существуют различные мнения. Даниэль Принц в четвертой главе своей «Московии» полагает, что это слово берет начало от древнейшего народа скифов. Я с этим согласен и допускаю, что скифы, древнейший народ, пользовались этим словом и так называли своих правителей. Но я спрашиваю, откуда пришло это название к скифам? Принадлежит ли оно скифскому языку, или славянскому, или греческому, или какому другому и что оно, собственно, означает? Коротко изложу свое собственное мнение об этом. Я полагаю, что название это древнееврейское, произошло от общего у древних евреев слова «сарад», или, вернее, «сур». И то и другое означает «господствовать», «быть во главе». Отсюда и произошло существительное, о котором идет речь, «сар». Этим словом обозначались военачальники древних евреев, которые волей своей управляли народами и провинциями. Пророк Осия говорит (гл. 3, стих 4): «Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя». Понятие «военачальник» выражено словом «сар» в четвертой книге «Царей» (гл. 9, стих 5). «У меня слово до тебя, военачальник», — говорит пророк царю. По-древне-

еврейски стоит: «сар». В Священном писании встречается немало таких примеров, из которых легко можно убедиться, что царями назывались правители земель. Итак, это касается этимологии слова. Остается другой вопрос: каким образом оно попало к скифам? Над этим, я думаю, не имеет смысла трудиться, поскольку известно, что те области, которые некогда назывались Сарматией и Скифией, занимали потомки Яфета,— так пишут Гванини, Эней Сильвий и другие историки. С ними вместе распространились остатки языков древнееврейского, арабского, халдейского и сохраняются до сих пор, хотя в искаженном виде. Несомненно, что скифы и сарматы, часть которых впоследствии стала называться татарами, своих правителей, стоявших во главе орды (нечто вроде трибы), называли не иначе, как «сар», что потом из-за порчи языка выродилось в «царь». От них и русские заимствовали это имя для своего правителя, полагая, что в нем скрыто больше важности и достоинства, чем в слове «князь», а затем это слово вошло в славянский язык¹². Под словом «царь» славяне подразумевают не что иное, как латинское «гех», ибо цесаря они называют «кесарь» (или, как теперь москвитяне говорят, «цесарь»). В Священном писании есть немало примеров, когда понятие «гех» постоянно обозначается словом «царь», а император — словом «кесарь». Так, у Иоанна (гл. 19, стих 15): «Нет у нас царя, кроме кесаря», у Матфея (гл. 22, стих 17): «Позволительно ли давать подать кесарю?» И так постоянно и в других местах. «Regnum» они соответственно называют «царевство» или «царство», «гегнаге» — «царствовать». Главные же города, которые служат резиденцией,— безразлично, царей или цесарей,— называют «Царогород», то есть «царский город». Так, Константинополь у них называется, по антономасии, не иначе, как «Царогород», ибо там имеет свою резиденцию владыка всего Востока. Однако поскольку слово «царь» очень похоже на слово «кисарь», под которым они подразумевают цесаря, происходит так, что и своего царя они называют цесарем, хотя и не вкладывают в это определенного значения. Иностранцы, которые находятся здесь на службе у царя, называют его не иначе, как «цесарь». Притом и императора Востока москвитяне также называют «царем». Так, мы читаем в их книгах: «Царь Константин», «Царь Феодосий», «Царь Василий»,— которые, однако, были не только царями или правителями, но и императорами Востока. Когда же их империя перешла к варварам туркам, московские правители стали по достоинству их преемниками на Востоке и Севере как христиане, у которых сохраняется христианство и греческие обычаи. Очевидно, в этом причина, почему некоторые правители Европы отказывались давать им этот титул или с трудом на это соглашались. Алексей Михайлович, отец нынешних царей, просил об этом папу Кlementa X, к которому в 1673 г. был послан по некоторым делам знатный господин Павел Менезиус, шотландец, католик, ныне полковник в смоленском гарнизоне. Но поскольку он этого не добился, он промолчал и обо всем деле, которое вел Августейший же цесарь Леопольд был более благосклонен и в угоду их желанию дал им этот титул¹³.

Всякий раз, когда кто-нибудь допускается приветствовать царей или обращается к ним с речью, от своего ли имени или от имени каких-либо правителей, то всегда приветствию или речи предшествует титул. Их два, малый, или более краткий, и большой, или полный. Малый звучит так: «Пресветлейшие цари и великие князья, царь Иван Алексеевич, царь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белья Руси самодержцы и многих других государств Восточных и Северных отчийей и дедичей наследники и государе». Большой: «Пресветлейшие и державнейшие государе, божьей милостью цари и великие князья, царь Иван Алексеевич, царь Петр Алексеевич, всея Великия, Малыя и Белья Руси самодержцы, князья Московские, Киевские, Володимирские, Новгородские, цари Казанские, цари Астраханские, цари Сибирские, государе Пековские, государе и великие князья Смоленские, Тверские, Югорские, Пермские, Вятские, Болгорские и иных стран государе и великие князья Новгорода, Низовския земли, Черниговские, Рязанские, Ростовские, Ярославские, Белоозерские, Удорские, Обдорские, Кондинские и всея Северная страны повелители и государе, Иверские, земли Карталинской и Грузинской цари, Кабардинской земли Черкасских городских князей и иных многих Восточных, Западных, Северных владений и областей отчийей и дедичей наследники, преемственные государе и обладатели». Этот титул дает им августейший цесарь, и в нем, во-первых, нужно следить, чтобы не ставилась связка между Иваном и Петром. Нельзя писать «Иван Алексеевич и Петр», но нужно без «и», и это соблюдается свято и считается за большой грех, если кто вставит это «и», ибо они хотят быть не как двое, а будто как один. Во-вторых, часто повторяется слово «царь», чтобы обозначить, что эти государства некогда имели своих царей, а теперь милостью божьей к ним перешли. В-третьих, они пишут «цари Иверские земли» и т. д., хотя эти земли имеют своего собственного царя. Но он по известным причинам бежал под их покровительство, отдал себя под их защиту, прожил в Москве почти три года и недавно возвратился на родину. В этот титул вписывалась также Софья, сестра названных царей, таким образом: после Петра Алексеевича, «и благоверная Великая государыня царица и великая принцесса Софья Алексеевна». Но, поскольку она вследствие недавнего переворота лишена власти, ее вычеркнули и из титула.

(Окончание следует.)